

Проза

赵志明

Чжао Чжимин

Чжао Чжимин – уроженец провинции Цзянсу, писатель поколения рождённых в 1970-е, член Ассоциации китайских писателей. В 2020 году окончил Китайский народный университет со степенью магистра творческого письма. Автор многочисленных сборников, среди которых – «Мой дорогой психопат» (2013), «Лягушки и фантазии души» (2015), «Когда все перестаёт расти» (2015), «Человек без тени» (2016), «Китайская мистика» (2017), «Ремесло быть правителем» (2018). Живёт в Пекине, занимается редакторской работой в нескольких литературных журналах.

Фигура в воде

Чжао Чжимин

На южной окраине города есть озеро. С заходом солнца оно наполняется алым пламенем; оттого и зовётся – Пламенным. Его красное пятно покоится у самых гор Цзиншань, сомкнутых вокруг, словно объятье. По берегам тянутся к небу вековые деревья, пышные, зелёные, как луковые перья. На подбитом сочной зеленью фоне озеро кажется ещё прозрачнее. Там мало гуляют – сущий рай для тех, кто любит окунуться нагишом. Даже натканные тут и там таблички «КУПАТЬСЯ ЗАПРЕЩЕНО» никого не останавливают. Каждый год на берегах озера вылавливают по несколько новеньких, совершенно голых утопленников.

Когда Фан Янь ещё учился в художественном училище, они с ребятами ходили всей командой в горы: три девушки и трое парней, тайно влюблённых друг в друга. Всю дорогу невыносимо тянуло на шалости и разные забавы, пыл молодости рвался из груди, обжигая щёки. Стоило привести в покорность обезьянку разума, как в дело пускался шальной скакун необузданной мысли. Каждый, то и дело замедляя шаг, нарочно отставал от друзей, сбиваясь на едва заметную тропку, чтоб там лишний раз понежничать со своей

избранницей. Не раз и не два приходилось собирать по кустам всю честную компанию, отчего пустые горы и перелески гляделись ещё бездвижнее, чем были на самом деле.

Пока шли в гору, было ещё ничего. Впереди маячила чёткая цель, тропа рисовалась вдали. Но на спуске всё стало по-другому. Ребята бросились врассыпную, как мыши, и сами не заметили, как заблудились. Чудом выбрали на проступавший сквозь лес краешек забора. Оказалось, там располагался стратегический пункт местного военного округа – охрана была первостатейная. Одного лая беснующихся цепных собак внутри оказалось достаточно, чтоб сердце ушло в пятки. Они долго шли вдоль забора, и наконец заметили сбоку калитку. На шум вышел парень в форме и показал, как спуститься с горы. Он любезно предупредил, что скоро стемнеет и спускаться нужно как можно скорее: диких животных на горе мало, но шастать в темноте по лесу всё равно небезопасно. Смятение понеслось по душам, как пожар по сухой траве. Не смея повыситься голоса, вся компания склонила головы и заспешила вниз. Ноги печатали шаг, как заводные.

Следуя указаниям солдата, они в конце

концов добрались до подножия. Там, уже на грани нервного истощения, озеро внезапно замаячило перед глазами, и ясная радость наполнила сердца. Стоял тот час, когда горящие облака затягивали западный край неба, отражаясь в озёрной глади. Половина озера алела ярким багрянцем, а половина — источала холодный, ясный свет, словно кто-то положил рядом кровавый агат и безупречную яшму. Это было прекрасно. Все бежали так быстро, что насквозь промокли от пота — но там впереди, между гор, бетонная дорога вилась вдоль озера обратно в дольний мир. В этом не могло быть никаких сомнений. Они ощутили облегчение. Ребята ликовали и прыгали от радости. Им не терпелось запрыгнуть в озеро, как олимпиец Тянь Лян. Девочки устали. Они опустились на деревянную скамейку на берегу и смотрели, как парни резвятся в воде.

Фан Янь был южанин. Дома куда ни глянь полно рек, речушек, озёр и прудов. Они были всюду — расставленные, как шашки на доске, рассеянные, как звёзды по небу. С детства он не разлучался с водой и был первоклассный пловец. К тому же, природа щедро одарила его храбростью. Двое его приятелей, не зная истинной глубины озера, держались у берега, но Фан, выставя напоказ свою ловкость, белой полоской мелькал в волнах у самой середины.

Одну из девушек на скамейке звали Ай Цин. Её влекло к Фану, а его — к ней. Широко раскрыв глаза, она следила, как он плывёт. В воде Фан был похож на змею. Весёлой лентой он скользил из тусклой зелени вод в сверкающие, как парча, извивы волны, и даже слабый плеск, долетавший до берега, был прекрасен. Она видела лёгкую рябь, расходившуюся по воде от его ударов, пронзавших сердце, как молния. Её грудь волновалась. Сердце билось быстрее, лицо заливал горячий румянец. Она тихонько ткнулась лицом в ладони. Внезапно раздалось два резких вопля. Фан Янь, уже двинувшийся назад, вдруг ушёл под воду. Только руки плеснули по поверхности озера, взбаламутив рваные клочья пены.

Ай Цин рывком вскочила на ноги, не отрывая взгляд от озёрной глади. Небо внезапно потемнело. Пламя и льдистая ясность озера исчезли, стремительно проваливаясь в тёмную бездну. Как ни странно, но там, где Фан Янь пропал из виду, вода словно ухнула вниз, закружилась призрачной воронкой, и только его руки с растопыренными пальцами торчали наружу, постепенно проваливаясь в мутную глубину. Ай Цин казалось, что эти раскрытые ладони медленно схлопывались, как лепестки кувшинки — стоит им закрыться, как она погрузится в недвижную воду, и над ней совяют свой узор рыбёшки и драко-

ны. Услышав вопль, приятели Фана отважно рванули на середину.

На востоке уже проглядывали первые звёзды, глядясь в озеро со своей вселенской высоты, как в пригоршню зачерпнутой влаги. Озеро, крохотное, не больше двух гектаров, славилось коварством и исправно затягивало на дно новых и новых купальщиков. Разве могли они знать, что окажутся здесь по нелепой ошибке, вполне рискуя потерять три жизни одним махом?

Много лет спустя, вспоминая об этом приключении, Фан Янь всё ещё ощущал смутный страх. С тех пор он оставил любую самонадеянность. Шутка ли: едва не утонул, желая покрасоваться перед понравившейся девицей. И ладно бы утонул сам, поделом, но чуть не утянул за собой двух товарищей.

Ай Цин рассказывала, что от вида покрывшегося мглой озера девочки совсем смешались. Вдруг откуда-то донёсся едва различимый звон колокола. Наверное, началась вечерняя служба в ближнем храме Гуйлай. С первыми ударами небо вдруг распорол закатный луч. В отражении его сияния Фан Янь вместе со спасателями, измученные, но живые, поплыли к берегу. Едва выбравшись на твёрдую землю, они без сил повалились на песок. Фан Янь в ужасе смотрел на центр озера. Там, на самом кончике светлого лез-

вия, темнела едва не утопившая его пучина, осыпанная горстями беспокойных пузырей, уже пронзённых закатным остриём. Фан Янь долго сидел на земле, потом ребята помогли ему встать. «Пойдём домой», – выдохнул он. Сперва девочки пропустили их вперёд, но тёмное дыхание озера за спиной гнало всё быстрее, и вскоре они сами не заметили, как оставили парней далеко позади. Они, несомненно, были напуганы случившимся.

Говорят же: того, кто выжил в большой беде, неминуемо ждёт счастье. Избежавший смерти Фан Янь не только пожал богатый урожай на полях любви (у них с Ай Цин случился романчик), но и внезапно добился успехов иного свойства. Фан Янь учился рисованию маслом. Особых талантов у него не было. Преподаватель однажды пошутил, что по окончании училища он только и сможет, что податься в Шэньчжэнь копировальщиком. Это очень задело Фан Яня, особенно после той истории на озере. Тогда он резко сменил специальность – вместо масляной живописи занялся скульптурой, и дело это пошло у него на удивление хорошо. Лучше всего ему удавалось женское тело. Эти необычно живые скульптуры быстро принесли Фан Яню славу. Искусствоведы, так редко соглашающиеся друг с другом, в один голос твердили, что самое ценное в скульптурах Фан Яня – едва угадываемая порочность,

лёгкость летящей апсары¹, заключённая в ловушку бrenного существования, из которой рождается безоглядная страсть и горькое отчаяние недостижимости того, чего так скорбно алчет душа.

Однако, даже добившись большого успеха, Фан Янь не спешил, как многие художники, раскрывать миру свой опыт и свои взгляды на искусство. Единственным, что он готов был показать миру, кроме своих работ, была пара бледных, длинных, мощных, полных ловкости и таланта рук. Ай Цин была совершенно очарована этими руками художника. Собственно, и влюбилась-то она прежде всего в них — они и были её главной наградой. Однажды Ай Цин пожаловалась подругам: не так, совсем не так касались эти руки её тела, как бумаги и камня. Под брызгами туши она была, самое большее, расстеленным отрезом ткани — немым, бесцветным, лишённым выражения, совершенно неинтересным. Но вот когда его руки принимались за скульптуру... Как страстно жаждала она тогда их ласки, их грубого давления. Страсть была неукротимо, как источник под пятой Пегаса. Она безумно, отчаянно полюбила его, и он ответил ей взаимностью — не безумной, но искренней, столь не свойственной людям искусства. Ай

Цин не раз упрашивала его сделать её своей моделью. Но Фан Янь наотрез отказался. Она мучилась горечью и обидой, уверив себя в том, что любовь его не была столь глубокой, как она думала.

Трещина между ними начала расти, пока наконец не вместила тело другого мужчины. Им оказался романтичный, богатый француз Андре, коллекционер современного искусства и сам довольно известный художник. Первым с ним познакомился Фан Янь. Француз взял у него три женских скульптуры и заодно, походя — Ай Цин. Однажды он набросал её портрет, чего Фан Янь ни разу в жизни не делал. Ай Цин посмотрела на картину и почувствовала, что никогда не была такой красивой, как на холсте. Она ответила на ухаживания Андре, развелась с Фан Янем и вышла замуж за француза.

Распад произошёл чётко и организованно. На лице Фан Яня не читалось никаких эмоций. Быть может, слухи были правдой: он любил свои работы куда больше, чем жену. Но если нет любви, кто поверит, что скульптор способен создать столь дышащее жизнью творение? Все его женские фигуры влюбляли в себя — и все без исключения говорили: «Не вздумай влюбляться». Их

1. Апсары — полубогини, духи облаков или воды, прекрасные женщины в богатых одеждах. Часто использовались богами для соблазнения аскетов или святых отшельников, которые путём аскезы могли бы стать равными им.

рисунок Ван Яня

нездешнее очарование и это безжалостное, отстранённое безразличие, очевидно, доказывали лишь одно: скульптора сжигала собственническая жажда обладания ими, и для него нестерпимо было, когда его скульптур касался кто-то чужой. Что это за любовь? Когда Ай Цин и её французский муж стояли рядышком перед недавно созданными работами Фан Яня, она порой испытывала острую ревность. Ай Цин спросила Фан Яня: раз они расстались, может ли он теперь сказать ей, какую женщину он любит – кто про-

тотип всех этих бесчисленных скульптур, которые останутся в веках? Но Фан Янь ничего не ответил, как прежде. Он решил просто молча уйти.

Затем, ко всеобщему изумлению, Фан Янь внезапно объявил, что больше не будет создавать скульптуры. Андре был разочарован: влияние Фана за границей только-только начало расти, перед ним рисовались блестящие перспективы. Решение Фан Яня не только больно ударило по его кошельку – это была серьёзная утрата для искусства.

Поговаривали, что он выкинул такую штуку, потому что наконец создал работу, о которой всегда мечтал. Это звучало довольно правдоподобно.

Ай Цин с мужем тут же отправились к Фану с визитом. Их вёл, с одной стороны, острый нюх коллекционера: если слухи верны, новая работа должна иметь колоссальную ценность, и нужно сделать всё возможное, чтобы купить её — а потом просто спокойно дожидаться, пока она вырастет в цене. С другой стороны, сыграло свою роль и женское чутьё: Ай Цин казалось, что все тайны Фан Яня, которые она так жаждет раскрыть, должны быть скрыты в этой работе. Фигура загадочной незнакомки непременно выплывет на поверхность.

Когда Фан Янь уже переметнулся к скульпторам, он стал ездить совершенно один по известным буддистским гротам и делать зарисовки, словом, искать вдохновение. Кончилось тем, что он прожил в пещерах Юньгана² три месяца. Говорят, именно там, в Юньгане, он внимательно изучал изображения небесных апсар. Поняв что-то и умом, и сердцем, по возвращении Фан сразу же создал свою первую впечатляющую скульптуру. Потом, когда отношения Фан Яня и Ай Цин стали достоянием общественности, все

стали думать, что его моделью всегда была она. Но работы множились, и неожиданно люди обнаружили, что скульптуры не имеют к ней никакого отношения. За ними стояла другая женщина — более красивая, манящая и загадочная. Ни одна из тех женщин, что вились вокруг Фан Яня, не была на неё похожа. Стали высказываться предположения, что он мог встретить свою музу во время поездок по гротам.

Нынешнее божественное творение Фан Яня, несомненно, было связано с той загадочной женщиной. Ай Цин не могла скрыть волнения. Фан же был настроен решительно: он закрыл студию и, судя по обстановке в доме, готовился к долгой поездке. В гостиной сразу бросались в глаза упакованные чемоданы и запечатанный деревянный ящик высотой почти в два метра и длиной в метр. Фан сидел на диване с видом человека, пережившего травму. Одновременно он был похож на отдыхающего, сбросившего невероятную усталость. Отчего-то это напомнило Ай Цин, как он чуть не утонул тогда в озере.

Андре был заинтригован деревянным ящиком. Он стал с напором уговаривать Фана открыть его, не в силах дожидаться возможности увидеть его содержимое. Но Фан отказался решительно и даже немного

2. Юньган — комплекс из 252 рукотворных пещер и ниш со статуями в пров. Шаньси.

обиженно. Ай Цин посмотрела на мужчин и внезапно почувствовала, что всё скатывается к какой-то комедии: настойчивость Андре была чрезмерной, нарочитой, а Фан упирался совершенно шаблонно и бестактно. Она сама хотела открыть деревянный ящик, но сдержалась.

Фан явно собирался в путешествие, и даже несмотря на то, что он решительно отказывался признаваться, куда едет, её сердце пронзила боль. Ай Цин почувствовала, что навсегда теряет его наполненные силой и нежностью твёрдые руки. Впрочем, они никогда и не были частью её владений. Прежде она по-детски думала, что руки принадлежали Фан Яню, и когда сам Фан принадлежал ей, она могла по праву обладать ими, но всё было не так, совсем не так, как ей хотелось. Она страдала от этого. Мучилась так, что решила оставить его. Теперь же, оглядываясь назад, Ай Цин понимала, что ошиблась: эти руки не только не принадлежали ей, они не принадлежали и ему самому. Когда Фан с головой уходил в работу, сколько раз это пьянило её, сводя с ума? Разве не казалось ей, что эти руки живые? Не Фан Янь направлял их, но сами они приводили его в движение, бросая в пучину страсти истинного творца. Столь чудесно было это творение – даже когда Фан Янь объявил, что больше не будет ничего создавать, чудесное, призрачное ощу-

щение только усилилось.

На следующий день утром Ай Цин, ведомая каким-то смутным предчувствием, поехала на машине и сама не заметила, как оказалась на берегу Пламенного озера. Шёл лёгкий дождь, одежда быстро намокала. Она припарковалась и как была, без зонтика, побрела вдоль воды. Ай Цин вспоминала: как тогда в панике подскочила со скамейки – с сердцем, готовым в любой миг выпрыгнуть из горла, как смотрела на три измученные фигурки в центре озера, плывшие к берегу. Если бы линия горизонта действительно была линией, тонким волокном, мотком бечёвки, она могла бы вытянуть на берег этого парня по имени Фан Янь. Под морозящим дождём озеро покрылось рябью. Неподальку росли лотосы. Они едва расправили свои толстые листья. Ветер и дождь гнали их по волнам вдаль.

После происшествия на озере Фан Янь долгое время не ходил туда и даже не хотел упоминать о нём. Но стоило им развестись, как до Ай Цин начали доходить слухи, что Фан часто гуляет по озеру в полном одиночестве. От этого она испытывала смутную тревогу. Ай Цин всегда чувствовала, что муж многое скрывает. Теперь он предпочитал рассказывать о своих тайнах злосчастной озёрной глади.

Единственный раз Фан сам упомянул озеро в разговоре с Ай Цин перед самой свадьбой. Внезапно он заговорил об обычаях своего родного края. Там верили, что человек, который был сильно напуган или лишился жизни в воде, терял часть своей души, а порой и всю душу. Только сплетённая из тростниковых стеблей лесенка могла вызвать душу из водяного плена.

Ай Цин, естественно, думала, что Фан продолжит рассказывать о том, что случилось на озере. Она бы без колебаний последовала за ним с лестницей из тростника, спустила бы её нижний конец в озёрную воду и вытянула бы верхний конец на берег, чтобы помочь части потерянного существа вернуться к Фан Яню и собрать его в одно целое. Но Фан упомянул об этом лишь походя. Больше к теме озера он не возвращался.

Этот случай оставил тень в сердце Ай Цин. Однажды ей приснился кошмар: она вернулась в тот вечер, несколько лет назад, когда двое товарищей выбрались на берег и, сгорбившись, вытянули за собой Фан Яня, как полудохлую рыбину. Фан шумно дышал на берегу, когда она услышала звук падающего в воду предмета, ясный и резкий. «Я уронил часть своей души в воду», — произнёс он. Ай Цин проснулась в поту. Всё было так, словно не Фан Янь, а она сама только что выбралась на берег.

Она очень хотела доискаться до истины, выпросить у мужа: действительно ли он утратил что-то внутри? Особенно когда ваял эти странные женские фигуры. Каждый раз, закончив работу, он, казалось, выплывал на берег, измученный и ликующий. В глубине души Ай Цин не любила его скульптуры, от взгляда на них в сердце поднимался холодок. Как женщины, ревнующие друг к другу, везде, ежесекундно замечают вызов соперницы — он мой, только мой. Ай Цин подозревала, что в сердце Фана скрывался кто-то ещё. Она надеялась последней, отчаянной мольбой упросить Фана стать его моделью. Ай Цин хотела сравнить в последний раз два женских образа, чтобы понять, насколько сильно муж её любит. После неудачи она сдаётся. Но Фан Янь отказал. На самом деле, это даже не был отказ. Фан просто не обратил на эту просьбу никакого внимания. Он отвернулся и бросился в объятия ещё одной холодной статуи. Ай Цин оставила Фан Яня скрепя сердце, но это был осознанный выбор. Вот после развода Фан и начал регулярно гулять вдоль озера. Это очень беспокоило Ай Цин. Она чувствовала, что, даже оставаясь в неведении, не может отрицать, что здесь что-то нечисто. Тут пряталась какая-то связь. Озеро, происшествие на воде и скульптура были соединены смутным намёком, готовым вот-вот выплыть на поверхность.

Ай Цин полагала, что Фан Янь наверняка отправится на озеро. Она хотела устроить себе с ним «случайную» встречу. Быть может, он ослабит хватку и раскроет ей много загадок. Как и следовало ожидать, Фан Янь появился. Он не удивился, увидев здесь Ай Цин, и как ни в чём не бывало пригласил её прогуляться по берегу.

Дождь прекратился, но небо не прояснилось. Могучие тучи нависали над озером и холмами. Отражения деревьев бродили в воде, вплетаясь в полосы водорослей и пучки болотноцветника. Поверхность озера казалась мутно-зелёной, почти чёрной. Они молча шли, пока не поравнялись с деревянной скамейкой. Только тут Фан заговорил, словно знакомая картина заставила его обрести вдохновение и собраться с мыслями.

«В тот день я чуть не утонул в озере. Я никогда не рассказывал вам, что именно случилось. Я доплыл до центра и уже собирался повернуть обратно. Вдруг что-то зацепило меня за правую ногу и потянуло под воду. Я знаю совершенно точно, что это была не судорога. И совсем не похоже на водоросли, уцепившиеся за лодыжку. И потом центральная часть озера настолько глубока, что там не может быть никаких водорослей. Даже если бы они там были, тянуло так странно, словно то был человек. Это не обман чувств, нет. Я забился и попытался разорвать пути обеими

руками. И вот тогда-то я по-настоящему удивился: там была рука. Под водой рука потянулась ко мне и крепко схватила. Я совсем не мог вырваться, никак не получалось, и почувствовал, что пальцы на руке сплошь покрыты кольцами, да, вероятнее всего, кольцами. Мне оставалось только рваться наверх, надеясь привлечь внимание друзей, плескавшихся неподалёку. Чжао Си и Ли Цян заметили меня и рванулись на выручку. Я тут же пожалел об этом – надеялся, что они не доплывут, что их не сумеет поймать и утащить на дно эта странная рука. Но я не мог сказать ни слова. К счастью, жуткая рука ослабила хватку. Двое друзей, поддерживая меня, погребли обратно к берегу. Я никак не мог прийти в себя. Потом я ясно увидел синяк на правой ноге – отпечаток руки, обхватившей меня, как кольцо, такое ни с чем не перепутаешь. Я сдержался и не стал говорить вам об этом – было слишком жутко, слишком странно. Уж точно не следовало говорить об этом там и тогда. Прозвучит необычно, но, даже едва уцелев, я совершенно не хотел возвращаться в училище, у меня снова возникло острое желание прогуляться вдоль озера. Эта мысль меня удивила, и страх стал ослабевать».

«Никто из вас не знает. Я ведь специально ходил потом в храм, потому что не мог забыть звук колокола в далёком приделе, который я слышал, когда должен был вот-

вот пойти на дно. Забавно, что его строили не буддистские иерархи, а жители из соседних деревень — вскладчину. В книгах пишут, что храм поставили в 480 году нашей эры в память об одном каменотёсе по фамилии Юань. Его угнали в плен на север, в Вэй, и там он участвовал в создании гротов Юньган. Потом, когда табгачи³ окитаились, он обрёл свободу и смог вернуться в родные края. Работал по камню. Всему этому есть документальные подтверждения. Но ещё с большей охотой рассказывают легенду о том, что он влюбился в собственную статую и умер, задушенный ей. Люди были страшно напуганы, и потому добровольно собрали средства на строительство храма, чтобы молиться о мире».

«В километре с небольшим от храма и находится «наше» озеро. Есть записи в уездных архивах, что раньше оно называлось Озером рыжих гусей: якобы гуси всегда отдыхали на озере во время перелётов, отсюда и название. Ещё рассказывают, что Юань утопил в нём свою каменную фигуру, где-то у подножия гор. А она поднялась из озера, вылезла на берег и вернулась за каменотёсом. Забрала его жить в озеро. В конце концов они поженились и жили под водой, как

русалочье племя. Соседи не знали об этом — они прошли по глубоким каменным следам в тревоге, что пропавший каменотёс застрял на дне озера, и решили спустить воду. Но вода никак не убывала. Стали толковать, что озеро соединяется прямо с Восточным морем. Потом позвали именитого вероучителя, чтоб он провёл успокоительную службу. Через сорок девять дней труп каменотёса нашли. А поскольку каменная статуя представляла собой обнажённое женское тело, озеро стали звать Пламенным⁴».

«Не знаю, отчего это меня так зацепило. Я поехал в Юньган, чтоб отыскать вырезанную Юанем апсару. Среди множества небожительниц я хотел найти ту, что могла быть любовницей каменотёса. Иголочка в стоге сена. Прошло больше трёх месяцев, и я наконец уверился, что нашёл её — но от неё остался лишь пустой контур. Я был убеждён, что каменотёс поселил свою возлюбленную именно там, из всех рельефов на стене отсутствовала она одна. Думаю, она ушла сама. Нетрудно догадаться куда. Когда Юань начал вырезать статую по образу и подобию его любимой, она обрела свободу — вошла в камень далёкой статуи, и та — ожила».

«Здесь тонут каждое лето, и зимой тоже.

3. Табгачи или тоба — древнемонгольский кочевой народ, ответвление сяньбийцев. Вторглись в Китай, где основали царства Дай и Тоба-Вэй.
4. По-китайски варианты названия озера (Озеро рыжих гусей, Пламенное) звучат очень близким образом.

Я проверил информацию об этих людях. Все были женаты. После смерти их обручальные кольца остались в озере. Разумеется, их забрала статуя. Значит, я смог выжить, потому что у меня не было кольца на руке».

«Мне снился Юань. Он был живее живого. Там, во сне, с долотом и молотком в руках он учил меня высекать статую женщины – тяжёлое, роскошное тело, едва уловимое дыхание небесной девы. Он сидел во дворе, прислушиваясь к тяжёлым шагам каменной статуи, которая приближалась все ближе и ближе, пока не остановилась у входа. Удушьящее ожидание. Быть может, несколько секунд? Или больше тысячи лет?»

Ай Цин и Фан Янь сами не заметили, как обошли озеро. Слушая эту невероятную историю, Ай Цин чувствовала, что холодок продолжает подниматься из глубины её сердца. Она не осмеливалась бросить взгляд на озеро, особенно на его середину, словно там покоилось огромное человеческое лицо, ожидая одного её взгляда, чтобы всплыть на поверхность. Ай Цин не знала, помешался ли Фан. Ещё труднее было сказать, было ли поведение им правдой. Даже если больше тысячи лет назад существовал каменотёс Юань, мало ли какие небылицы могли наплести дураки. Что из этого было правдой сегодня?

Когда Фан прощался с Ай Цин, он наконец сказал: «Я ни разу не пожалел, что

женился на тебе. Хотя в тот момент, когда я надевал кольцо, я знал, что меня ждёт». Она застыла, совершенно поражённая его словами. Было ли это удовлетворение? Потеря? Счастье? Или печаль? Неужели Фан провидел этот день, когда женился? Стоило ей вновь поднять глаза на него, как она обнаружила, что он удалился.

Несколько дней спустя, когда недовольный Андре и всё более встревоженная Ай Цин снова приехали в гости, они обнаружили, что дом Фана пуст. Как и следовало ожидать, он забрал и таинственный деревянный ящик. О доме и обо всём прочем заботился теперь его двоюродный брат. Он передал Ай Цин письмо, которое Фан оставил ей перед отъездом.

Ай Цин сразу же распечатала конверт. Там было три листа бумаги формата А4, исписанных убогим почерком – история вэйского мастера. Фан предварял её пометкой: «Это история моего альтер эго».

«Я южанин, меня увезли на север во время войны и вместе со многими другими отправили на гору Учжоу. У подножия мы прошли суровую школу: нас учили подрывать гору. Позже мы узнали, что рвали гору не для того, чтобы добыть камень для постройки дворца – мы помогали делать гроты. Это опасная работа. Порой, когда грот ещё

не готов, не говоря уже о статуях будд внутри, он обваливается, превращаясь в готовую гробницу для десятков таких, как я. Мы уходим туда и никогда не возвращаемся. Поэтому на эту работу ставят пленных: когда одни умирают, на смену приходят другие. Порой мне кажется, что война ведётся ровно для того, чтобы постоянно пополнять эту рабочую силу.

Я везучий. Несколько раз мне удавалось пройти на волосок от смерти. Раньше я был рыбаком, большим мастером делать бамбуковые силки и сети. Здесь, на горе, улучив минутку, я сплёл однажды соломенную шляпу. Один из начальников охраны решил, что я вполне могу стать камнетёсом или резчиком. Меня забрали из отряда. Так я вырвался из лап смерти и, уцепившись за эту возможность, начал усердно учиться. Вскоре я стал помощником мастера Хуэя.

Наставник Хуэй – самый мудрый и мягкий человек, из тех, что встречались на моём пути. Он отвечал за резьбу и роспись трёх гротов. Я рассказал ему, что бессчётное число людей погибло, чтобы сотворить их. Мастер Хуэй вздохнул, провёл меня к завершённому гроту и, указав на бодхисаттв и апсар, сказал, что именно поэтому мы должны создавать эти изображения. Бренный мир – это море страданий, беды, которые предстоит пережить, бесконечны, и только божествен-

ные создания способны нам помочь.

Моё единственное страдание – быть заключённым здесь, вдали от родных мест, трудиться в горах и быть обречённым остаться без погребения. Учитель Хуэй утешает меня: он говорит, ко злу ведет лишь один путь, а к добру – тысячи. Когда люди выбирают добро, все их дела обращаются в блаженство – даже вырезающий цветок иного мира здесь, на каменной стене, вершит добро и становится подвижником.

Трудно поверить в это. Я готов признать, что вера редко бывала мне усладой, и оттого я глух к ней. Мне трудно стать благоговеиным почитателем Учения. Но в резьбе по камню я несказанно быстро добился успеха. Сперва мне подвластны были только грубые, прорезанные по самой поверхности формы, но то были лишь основы. Потом мастер Хуэй отточил их. Когда он работал, я наблюдал за ним и перенимал опыт. Вскоре, ведомый им, я научился наводить лоск на то, что вырезали другие, а потом – резать совершенно безо всякой помощи и даже удостоился редкой чести изваять статую Будды в главном гроте вместе с самим мастером.

Работа по камню утомительна. Каждый день я отсчитываю про себя мириады ударов. Меняется только ритм, угол, сила – больше никакой радости. Мне не понять, как мастер Хуэй может этим наслаждаться. Он

руководил украшением трёх больших гротов и вырезал почти десять тысяч фигур: будд, бодхисаттв, бесчисленных, самых разных апсар. Неужели на него не нагоняет скуку эта монотонная работа? Мастер сказал мне, что так он молится Будде. Чем больше статуй – тем ближе он к завершению моления. В моём воображении завершение означает смерть. Мастер всю жизнь провёл в гротах, и до него – учитель его учителя – тоже. Гора усеяна десятками гротов, созданных каждодневным трудом таких людей, как мастер Хуэй. Это огромное дело, которому жертвовали все душевные силы несколько поколений.

Порой мне кажется, что мастер Хуэй сознательно готовится передать мне свои рясу и патру. Признаю: в резьбе я всецело его ученик, но что касается веры – то тут я теряюсь. Впрочем, я и не отрицаю её. Это больно ранит мастера. Ему остаётся только вздыхать и говорить, что мы не властны над судьбою.

Наша работа продолжается. Мастер Хуэй становится всё старше и старше. Каждодневный тяжкий труд и каменная пыль разрушают его. Он больше не может поднять руки или забраться высоко. Теперь он может только наблюдать, как я работаю, и править мою руку. Мастер не пожалел для меня ни крупинцы своего бесценного опыта, но я простец,

плутающий в Учении, и мне трудно ухватить самую суть буддистских образов. Другими словами, я понимаю одну форму – но смысл скрыт от меня, и моим буддам, бодхисаттвам и апсарам не хватает божественной искры.

Мастер Хуэй умирает. Он попросил меня помочь добраться до второго грота, где прежде всем руководила его рука. Там он опустился перед фреской, и долго молчал совершенно неподвижно. Я решил, что он заснул или, быть может, почил в позе созерцания. Но учитель просто смотрел на фреску. То была гигантская картина: множество бодхисаттв, окружающих Шакьямуни, множество ваджр⁵, осеняющих их. Внезапно я понял: одна из ваджр и есть учитель. Мастер застенчиво улыбнулся – то было сокровенное чаяние всей его жизни, посвящённой Учению. Может статься, эта мысль появилась у него давно, когда он только начинал работать в гротах. С блаженной улыбкой мастер Хуэй почил навсегда. Он словно попытался ещё раз наставить меня на путь Учения. Твёрдая вера может помочь нам избавиться от многих страданий мира и обрести высшую славу служения Будде. После кремации учителя я стал истинным хозяином гротов, хотя я и не монах.

Пример мастера вдохновил меня. Пусть

5. Ваджра – ритуальное и мифологическое оружие в индуизме, буддизме и джайнизме.

это будет священнодействием, чудотворной молитвой. Я решил: отчего бы мне не попытаться изваять свои чаяния на стенах гротов?

Прежде, до плена, я жил трудной, но спокойной жизнью в своём родном краю. У меня была возлюбленная. Для меня она была самой красивой девушкой и самым добрым человеком на свете, солнцем моего дня, звездой моих ночей. Я тосковал по ней, едва расставшись, и радовался, чуть только мы сходились вновь. Но меня угнали на север, чужой, незнакомый. Нас стерегли. Гора была железной тюрьмой, её было не одолеть и на крыльях. Двадцать лет пролетели в мгновение ока. Мне не вернуться в родные места. Я могу умереть только в гроте, как мастер Хуэй. Перед смертью он показал мне свою тайну. Что я покажу другим перед своим уходом? Я не сдержался и добавил к сонму апсар одну фигуру. Это единственная тайна моей жизни, которая, возможно, никогда не станет известна никому.

Кто мог знать, что благодаря императрице Фэн отношение к нам, ханьцам, изменится? Я немало выиграл от её китайских симпатий. Мне сообщили, что если я и далее намерен продолжать работу в гротах, мне пожалуют официальное назначение, но если я хочу домой, то могу получить денег на пу-

тевые расходы и добрую долю серебра, чтоб немедленно отправиться в путь. Конечно, я решил вернуться, ведь там, в родных краях, меня ждала любимая, о которой я грезил и днём, и ночью. Перед отъездом я стоял перед своей тайной, чувствуя, что скоро умру. Потом я подумал, что если вернусь и увижу свою прежнюю возлюбленную, то, как бы она ни изменилась за все эти годы, рядом с ней я опять воскресну.

На обратном пути сердце несло вперёд, как стрела, опережая тело. Тао Юаньмин писал об этом: «У путника спрошу я о дороге, и пожалею, что рассвет сегодня тусклый. Когда ж завижу дома окаёмок, к нему на радостях я побегу бегом!»⁶.

Наконец я вернулся на родину, но после долгих лет войны здесь остались одни пепелища. С большим трудом я сумел отыскать одного чудом уцелевшего соседа. Мы заговорили о прошлом. Горестно вздыхали. Моя судьба горька: я попал в плен и много лет был слугой северян. Седым возвратился я к родному очагу. Но её судьба была ещё горше — мою возлюбленную тоже угнали на север. Их гнали, как скот. Не знаю, сколько пришлось ей вынести в дороге, прежде чем она закончила свою жизнь в ненасытной солдатской утробе, а её бедные кости рассыпались в

6. Цитата из произведения классика китайской литературы, поэта Тао Юаньмина (Тао Цяня, 365–427) «Возвращение».

пыль. То было страшное горе. Мне хотелось плакать, но слёз не было.

Я не захотел оставаться в родных местах, и обосновался у подножия гор Цзиншань. Много лет работы в гротах сделали из меня отличного каменщика. Моя тоска по возлюбленной стала ещё невыносимее. Я решил утешиться, изваяв её в виде летящей апсары в своём гроте. Отчего бы не воспользоваться прежними воспоминаниями и не вырезать каменную статую в память о ней? Я долго расспрашивал людей и, наконец, на всё, что у меня было, купил огромный камень с озера Тайху⁷. Когда у меня выдавалась свободная минута, я полировал и резал его. Он обрёл первую форму в начале марта, а через год статуя была почти готова. Не хочу, чтобы люди видели её. Обычно я прикрываю её тканью. Только в ночь полнолуния я откидываю покров и говорю с ней под луной.

Я и представить себе не мог, что в ней сидит бес. Постепенно моя апсара стала оживать. Она водит глазами и шевелит губами, двигает пальцами и покачивает руками. Я в ужасе. Пока она ещё не готова, я запечатал её в деревянный ящик, нанял нескольких носильщиков и в тайне ото всех погрузил в озеро у подножия гор Цзиншань. Но душа моя всё не может оставить её, и я часто хожу

к озеру.

Если это моя любовь пробудила её, то так тому и быть. Мне трудно дать этому другое, достаточно хорошее объяснение. Что же до странностей и несчастий, которые могут случиться потом – они мне неведомы».

На этом история каменотёса Юаня, или история Фан Яня, внезапно обрывается. Андре – бизнесмен до мозга костей, он по-прежнему думает, что потерянный Фан Янь рано или поздно обнаружится у Пламенного озера. Там найдётся и его скульптура. Он даже планирует лично отправиться туда с профессиональным снаряжением для глубоководных погружений.

Ай Цин категорически против. Часто, просыпаясь среди ночи, она чувствует, что она – тоже статуя, медленно просыпающаяся к жизни. Это чувство прекрасно. Когда женщина живёт любовью, то стоит ей лишь обрести настоящую страсть, ничто не заставит легко выпустить этот подлинный жар из плотно сжатых ладоней.

Перевод Юлии Дрейзис

7. Тайху – крупное мелководное озеро правобережной части долины реки Янцзы возле её дельты, находится на юге провинции Цзянсу.

СВЕТИЛЬНИК

ЛИТЕРАТУРА НОВОГО КИТАЯ

编辑 / 人民文学杂志社

Составление: журнал «Народная литература»

主编 / 施战军

Главный редактор: Ши Чжаньцзюнь

副主编 / 徐则臣

Заместители: Сюй Цзэчэнь

顾问 / 张涛 胡开敏

Консультанты: Чжан Тао Ху Кайминь

俄文审定 / 刘宪平

Редактор русского текста: Лю Сяньпин

编辑总监 / 施战军 叶果夫

Директоры по редакции: Ши Чжаньцзюнь Егоров Игорь Александрович

中文执行编辑 / 刘汀

Исполнительный редактор: Лю Тин

编辑 / 郭雪艳 杨海蒂 马天牧 梁豪 赵依

Редакторы: Го Сюэянь Ян Хайди Ма Тяньму Лян Хао Чжао И

财务总监 / 金燕馨

Финансовый контроль: Цзинь Яньсинь

发行总监 / 付丽

Директор издания: Фу Ли

编务 / 薛晓乐

Ассистенты редакторов: Сюэ Сяолэ

平面设计 / 北京午夜阳光平面设计公司

Дизайн печати: Пекинская компания График-дизайнWYYG

设计总监 / 王焱 85301701

Генеральный дизайнер: Ван Янь 85301701

《Светильник》编辑部

Адрес редакции журнала «Светильник»

地址 / 北京农展馆南里 10 号楼 7 层人民文学杂志社 (100125)

Нунчжаньгуаньнаньли 10, 7 этаж

Журнал «Народная литература», Пекин 100125

Телефон: 65030264, 65003876

图书在版编目 (CIP) 数据

灯 . 2019 年 : 俄文 / 施战军主编 ; (俄罗斯) 叶果夫等译 .
-- 北京 : 外文出版社 , 2019.10
ISBN 978-7-119-12225-0
I . ① 灯… II . ① 施… ② 叶…
III . ① 中国文学 - 当代文学 - 作品综合集 - 俄文 IV . ① I217.1
中国版本图书馆 CIP 数据核字 (2019) 第 235302 号

责任编辑: 曾惠杰
俄文翻译: 叶果夫 等
俄文审定: 刘宪平
装帧设计: 北京午夜阳光平面设计公司

СВЕТИЛЬНИК 灯 (2020)

主编: 施战军
译者: 叶果夫 等

出版发行: 外文出版社有限责任公司
地址: 中国北京西城区百万庄大街 24 号 邮政编码: 100037
网址: <http://www.flp.com.cn> / 电子邮箱: flp@cipg.org.cn
电话: 008610-68320579 (总编室) 008610-68327750 (版权部)
008610-68995852 (发行部) 008610-68996177 (编辑部)
印刷: 鸿博昊天科技有限公司
经销: 新华书店 / 外文书店
国外总发行: 中国国际图书贸易集团有限公司
国外发行代号: C1221

开本: 880mm × 1230mm 1/16 印张: 12 字数: 120 千
版次: 2019 年 11 月 第 1 版 第 1 次印刷
书号: ISBN 978-7-119-12225-0
定价: ¥ 80.00 / ₪ 800.00 / \$ 20.00 / € 15.00

版权所有 侵权必究

如有印装问题本社负责调换 (电话: 008610-65030264)